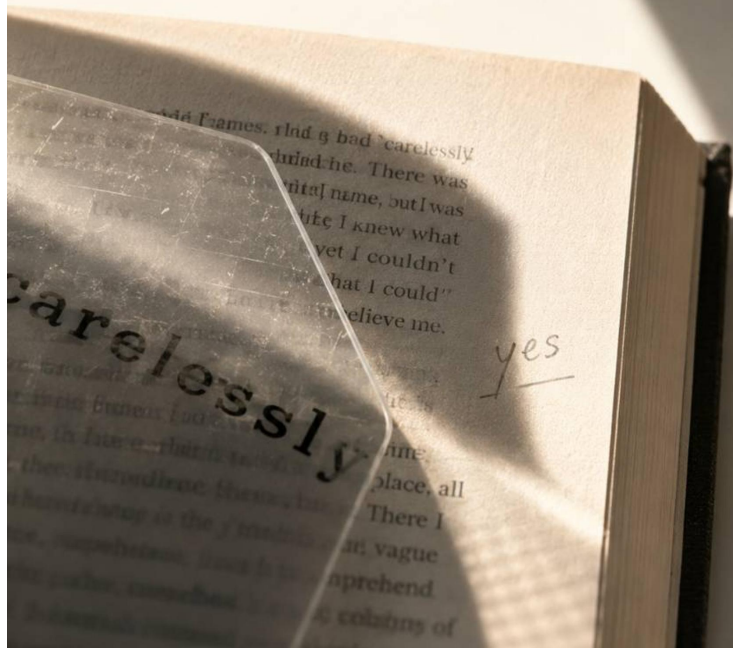

He ответ

...and James. I had a bad 'carelessly'
...mind he. There was
...[name], but I was
...I knew what
...yet I couldn't
...that I could"
...believe me.

carelessly

yes

...place, all
...There I
...an vague
...prehend
...of

Arthur Cabbie

Не ответ

<https://litres.ru/73991886>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элоди — фотограф в Сиднее. Находит в телефоне мужа-редактора следы измены. Не устраивая скандала, она снимает его пометки на полях книг — и превращает их в серию работ, вышедших на галерейные стены и обложки журналов. История о том, что происходит, когда отвечают не словом.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Arthur Cabbie

Не ответ

Глава 1

Часть 1. Рана / Wound

Глава 1. Между строк / Between the Lines

Бумага была слишком белой.

В Сиднее такое случалось в январе: свет не падал, а бил. Он отскакивал от стеклянных дверей, от белой стены коридора, от лакированной поверхности письменного стола, от страниц раскрытой книги, и всё вокруг казалось передержанным, будто кто-то неправильно выставил экспозицию и не хотел признавать ошибку.

Элоди стояла босиком в кабинете Гаррета и смотрела не на книгу, а на своё отражение в чёрном стекле настольной лампы.

Камера лежала на столе рядом с макрообъективом. Слишком близко к книге. Слишком близко к его вещам. Так изображение переставало быть натюрмортом и становилось вторжением: край страницы, нажим карандаша, след пальца на полях, крошечная тень от загнутого угла.

Она всегда знала, куда поставить камеру, чтобы кадр не сказал ничего лишнего. Сегодня не знала.

Элоди передвинула книгу на десять сантиметров вправо. Потом обратно. Проверила свет. Солнце из окна делало бу-магу безжалостно плоской.

На полу у двери лежал рюкзак Лукаса, брошенный накануне вечером. Из бокового кармана торчала школьная скомканная форма. На низком столике рядом с креслом стояла чашка Гаррета с засохшей полосой кофе на дне. В тяжёлой стеклянной пепельнице лежали скрепки, карандашная стружка и старый билет из мельбурнского музея.

Вещи в доме лежали беспорядочно на своих местах и это делало его сейчас невыносимым.

Не пустота.

Не тишина.

Не одиночество.

А то, что всё было на своих местах.

Книга была раскрыта на середине. Гаррет подарил её ей на годовщину — не последнюю, одну из прежних, когда подарки ещё не были частью дипломатии. На форзаце его по-черк: *For E. Because endings are rarely where the story ends. G.*

Тогда она рассмеялась и сказала, что это звучит как надпись человека, который уже готовит оправдательную речь. Он ответил, что редакторы не оправдываются, они выверяют контекст. Элоди поцеловала его на кухне, держа книгу в одной руке и бокал в другой.

Теперь книга лежала на его столе, открытая на странице, где он когда-то подчеркнул фразу карандашом. Линия ров-

ной нитью тянулась вдоль слов. Гаррет никогда не подчёркивал линейкой. Он презирал людей, которым требовалась помощь, чтобы провести прямую линию под чужой мыслью. В начале карандаш вдавил канавку чуть глубже и закончил черту у последнего слова, слегка скользя по листу.

На полях стояло короткое:

yes

Элоди смотрела на это yes уже несколько минут. Раньше его пометки казались не просто пометками, а следами мысли в движении. Она любила открывать его книги и видеть на полях маленькие знаки: no, weak, too easy, true, вопросительный знак, вертикальную черту, иногда одно слово, написанное так мелко, будто он не хотел мешать автору, но не мог промолчать. Ей нравилось думать, что человек раскрывается в том, где останавливает карандаш. Теперь это казалось автопортретом.

Она перелистнула назад.

Ещё одна черта на полях — рядом с фразой о самообмане. Там он поставил вопросительный знак. Не согласился, не отверг, оставил себе выход.

Дальше, на странице о трусости, карандаш прошёл по началу строки и оборвался, будто рука передумала. Слово осталось не подчёркнутым, но бумага хранила слабый след давления.

Элоди провела пальцем над этим местом, не касаясь страницы.

Гаррет не только выбирал, что читать.

Он выбирал, где остановиться до правды.

Она поставила камеру на штатив, надела макрообъектив и проверила фокус. Подвинула лампу, но сразу убрала её совсем. Положила рядом с книгой прозрачную плёнку — одну из тех, на которых иногда печатала фрагменты изображений для пробных наложений.

На плёнке был не снимок.

Только увеличенный фрагмент экрана телефона: чёрный прямоугольник, часть строки, несколько букв, оборванных краем кадра. Слово не читалось сразу. Его нужно было собрать взглядом.

...lessly

Она подвинула плёнку на несколько миллиметров, прижала угол тяжёлой книгой, и рядом с его карандашным уес наконец проступило почти целое слово:

carelessly

Показывать сообщение целиком не хотелось.

Слишком грубо.

Слишком дёшево.

Слишком пригодно для сплетни.

Слово было достаточно.

Она положила плёнку поверх страницы. Буквы из романа проступали снизу, его карандашная линия пересекала слово на экране, а короткое уес на полях оказалось рядом с обрезанным фрагментом чужой переписки.

Это было неправильно и поэтому сработало.

Через видеоискатель кадр не был красивым. Хорошо. Красота часто была способом ничего не сказать.

Спуск. Щелчок. Смена угла. Ниже. Ближе к полю. Так, чтобы виден был не текст, а графит: нажим, шероховатость, микроскопическая пыль, оставленная рукой человека, который верил, что понимает правду, когда встречает её в чужом предложении.

Объектив всегда требовал сделки: я покажу тебе то, что ты согласна увидеть.

Сегодня она не была уверена, что согласна. Доски пола поскрипывали при каждом шаге.

Где-то внизу улицы завёлся мотоцикл. В кроне дерева закричала птица — грубо, металлически, будто рвали фольгу.

Элоди услышала, как открылась входная дверь. Сначала ключи звякнули в миске у входа, сумка гулко упала на пол. Гаррет вернулся раньше, чем собирался. Полилась вода из крана на кухне, он всегда пил воду, как только приходил домой.

Элоди не убрала книгу.

Не убрала плёнку.

Не выключила камеру.

— Ты здесь, — сказал он в дверях кабинета.

Она не ответила.

Он сделал шаг внутрь и уставился на штатив. Раньше он спросил бы: «Для чего?» или «Куда это?» или, если был в хо-

рошем настроении: «Я уже экспонат или пока только источник света?» Теперь остановился у стола и не спросил ничего.

— Жарко, — сказал он.

Это была фраза для людей, которые не знают, как жить в одной сцене.

Элоди смотрела в видеоискатель.

Гаррет наклонился чуть ближе к столу.

Не к ней, а к книге.

Элоди слышала, как изменилось его дыхание.

— Это моя книга, — сказал он, как человек узнавший собственный почерк на старом письме и на секунду становится моложе.

— Наша.

— Я подарил её тебе.

— Поэтому наша.

Его рука легла на спинку её кресла. Не на плечо. Не на тело. На кресло. Почти вежливо. Почти достаточно далеко. Гаррет замер.

Щелчок камеры вдруг прервал тишину, фиксируя момент, в котором никто из них не успел сыграть правильно.

— Ты снимаешь? — спросил он.

— Да.

— Для чего?

Она смотрела на страницу, на слово *carelessly*, поверх его подчёркивания. На маленькое *yes* рядом. На аккуратный брак текста и их жизни.

— Не знаю.

Это была правда.

Он подошёл ближе.

— Элоди.

Она терпеть не могла, когда он произносил её имя так. Мягко, с паузой после первого слога, будто имя было дверью, которую он отворял без стука, но с уважением.

— Не трогай.

Он убрал руку от кресла.

— Я не собирался.

— Собирался.

Он не стал спорить.

Это тоже разозлило её.

Раньше его сдержанность казалась зрелостью. Теперь она выглядела как редакторская привычка: не вступать в абзац, который может испортить общий тон.

Он смотрел на страницу.

— Это частное, — сказал он.

Она наконец повернулась к нему.

— Что именно?

Он не ответил сразу, умея ждать, пока человек сам оставит себе меньше места.

— Моя пометка.

Она почти улыбнулась.

— Правда?

Он понял ошибку.

Слишком поздно.

Потому что в комнате лежала книга, подаренная ей. Его почерк. Её плёнка. Чужой текст. Слово из сообщения. Их дом. Её камера. И он выбрал назвать частным именно след карандаша на полях.

Не женщину.

Не сообщение.

Не брак.

Пометку.

— Я буду внутри, — сказал он.

— Ты уже внутри.

Фраза вышла слишком быстро.

Слишком хорошо.

Гаррет посмотрел ей прямо в глаза и тут же перевёл взгляд на камеру, на книгу, на край прозрачной плёнки.

— Это будет так? — спросил он.

— Как?

Он кивнул на поле, где стояло его yes.

— Ты будешь снимать не то, что я сделал. То, как я читаю?

Она могла ответить: ты начал.

Могла ответить: всё уже стало.

Могла ответить: не всё, только то, что ты считал своим.

Слишком много хороших фраз. Каждая просилась стать первой.

Но сказала лишь:

— Выйди.

Услышав себя только, когда замолчала.

Не уйди.

Не оставь меня.

Не убирайся.

Только: выйди.

Из комнаты.

Из кадра.

Пока не из жизни.

Гаррет постоял ещё несколько секунд, потом кивнул.

Когда дверь кабинета за ним закрылась, Элоди снова по-дошла к камере и стала листать снимки.

Первый был плохой. Слишком много света. Бумага поглотила половину кадра.

Второй — слишком красивый. Тень от плёнки легла на страницу почти нежно. Таким кадрам она не доверяла.

На третьем была только страница: фрагмент романа, его подчёркивание, короткое yes на полях, и поверх — прозрачный прямоугольник с почти целым словом carelessly. Оба говорили о правде.

Элоди увеличила изображение и долго всматривалась. Гаррета в кадре не было; его выдавали следы редактирования.

Она только сделала снимок и сохранила файл в новую папку.

Название появилось сразу:

Marginalia_01.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.